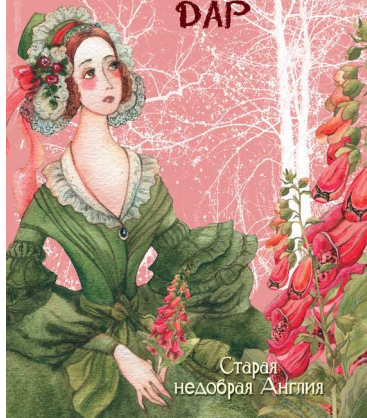

Екатерина Коути
Елена Клемм
**СТРАШНЫЙ
ДАР**

Старая
недобрая Англия

Екатерина Коути
Елена Клемм
Страшный дар
Серия «Жемчуг проклятых», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7161627
Страшный дар: [роман]: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084699-3

Аннотация

Англия, 1842 год. Сироте Агнесс до совершеннолетия предстоит жить в доме дядюшки пастора. Агнесс обладает опасным даром: она умеет разговаривать с призраками. Но у пастора есть своя тайна, посерьезнее, чем у Агнесс. Недаром обитатели этих мест опасаются фейри – существ, которых они называют «соседями с холмов». И неспроста здешние мужчины еще не забыли навыки защиты от злых духов. Агнесс придется использовать свои роковые способности, чтобы защитить тех, кого она считает своими друзьями. Но чтобы спасти любимого, ей предстоит противостоять не призракам, а человеку, более жестокому и опасному, чем любой выходец из потустороннего мира...

Ранее книга издавалась как: Маргарет Брентон «Жемчуг проклятых»

Содержание

От издательства	4
Страшный дар	5
Пролог	5
1	5
2	7
3	11
Глава первая	20
1	20
2	23
3	26
4	31
Глава вторая	33
1	33
2	40
3	42
4	44
5	45
Глава третья	49
1	49
2	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Екатерина Коути, Елена Клемм

Страшный дар

Роман

От издательства

Екатерина Коути и Елена Клемм – авторы нового поколения: они никогда не встречались лично! Екатерина живет в Америке, и это не просто лучший, а единственный автор, глубоко и всерьез занимающийся Викторианской эпохой, книги которого стали бестселлерами в России. С Еленой, автором мистических романов и топ-блогером, они познакомились в Интернете. Общая любовь к старой Англии, потустороннему миру и магическому реализму привела Екатерину и Елену к совместному творчеству. Сами они сравнивают себя с сестрами Бронте, только вот истории свои сочиняют по скайпу!

Вы держите в руках книгу цикла «Старая недобрая Англия». Это не только завораживающая история, но и мечта о волшебном мире, который находится рядом, стоит только протянуть руку или правильно взглянуть: точно как в романах Джоан Роулинг, Джима Батчера или Дианы Сетгерфилд!

Страшный дар

*Ты видишь узкий трудный путь
Меж терний в глубине лесной?
Путь Добродетельных. Его
Пройти не многим суждено.*

В. Скотт. Томас Рифмач ¹

Пролог

1

Она была нагая. Совершенно нагая, если не считать ожерелья из крупных жемчужин, которое болталось у нее на шее.

Нагая девушка в жемчужном ожерелье идет по берегу залива Морэй, что на северо-востоке Шотландии...

Впрочем, она не знает, как называется этот берег.

И ступает она неуверенно. Раскинув руки в стороны, ищет точку опоры. Приморский воздух так насыщен солью, что кажется плотным, но за него нельзя ухватиться. В который раз бедняжка падает. Ссадины на локтях и коленях кровоточат. Каштановые с рыжим отливом, необыкновенно густые волосы сбились в колтун. Когда девушка встряхивает головой, из свалывшихся волос сыплется песок и хрупкие белые ракушки.

Выбившись из сил, она пытается встать на четвереньки, чтобы двигаться ползком, но опять поднимается. Неловкие шаги перемежаются вскриками, камни впиваются в младенчески нежную кожу на пятках.

Никогда прежде она не ходила босиком.

Хотя, если задуматься, никогда прежде она не ходила вообще.

Но ей нужно идти вперед. Нужно найти. Что? Никак не вспомнить. В ушах еще звенит от непонятных резких хлопков и крика матери. Перед глазами плывут хлопья пены, розовой, как во время заката. Но почему? Ведь солнце давно успело зайти.

Откуда-то слева раздается стук осыпающихся камушков. Каменистый пляж, по которому она пытается идти, плавно переходит в невысокие скалы в белых крапинках птичьего помета. Со скалы спускается мужчина, то и дело скользя по осыпи.

При виде незнакомца девушка не пытается убежать. К рыбакам она уже привыкла. Другое дело, что он мало чем напоминает рыбака. Вместо парусиновой куртки на нем длинный синий сюртук и светлые брюки в полоску. На лице мужчины нет морщин, из чего она делает вывод, что он еще молод. В правой руке он держит длинную палку, с одного конца деревянную, а с другого – серую, как море в непогоду, и очень блестящую.

Заметив девушку, он демонстративно кладет странную вещь на песок, к ней же приближается бочком, словно бы чего-то опасаясь.

– Тебя как-нибудь зовут? – спрашивает он еще издали.

– Бэрн.

---

¹ Перевод Н. Прохоровой.

Именно так ее называют рыбаки. Они всегда добры и оставляют ей овсяные лепешки.
– Это не христианское имя, – замечает незнакомец, подходя поближе. – На здешнем диалекте «бэрн» значит «дитя». Пусть тебя зовут Мэри.

– Мммэээрри, – послушно повторяет она.

Ей нравится имя, которое начинается с протяжного стона и заканчивается приглушенным, щекочущим язык рыком. Такое имя, если выкрикнуть, звучит громко. А ей сейчас очень плохо. Она с удивлением смотрит на свои смуглые руки, все в мелких пупырышках. Холодно... Раньше она тоже чувствовала холод, но такой – никогда. Она поплотнее сдвигает ноги, нагибается, скрещивает на груди руки, растирая соски, твердые и холодные, как ее жемчуга.

Мужчина истолковывает ее движения иначе.

– Очень хорошо! Стало быть, тебе присуща женская стыдливость. Вот, прикройся.

Он накидывает ей на плечи свой длиннополый сюртук, а когда видит, что она все еще дрожит, хватая за правую руку и засовывает ее в рукав. Левую руку она просовывает сама, пусть и с третьей попытки.

Неплохо для начала.

Еще научится.

Он сводит брови при виде ожерелья, но, переборов брезгливость, зажимает его в кулак и дергает на себя. Несколько жемчужин с тихим стуком падают на гальку, остальные он заталкивает в жилетный карман. Поколебавшись, достает оттуда цепочку и застегивает у девушки на шее. Мэри удивленно смотрит на блестящую подвеску – две тоненькие перекрещенные палочки.

– Ты должна сказать: «Спасибо, сэр» и улыбнуться. Вот так. – Уголки его рта растягиваются, приоткрывая желтоватые передние зубы.

С такой сложной мимикой ей не совладать. Она раскрывает рот.

– Не смей скалиться! – кричит мужчина, и от неожиданности она отступает, скользит, едва не падает...

– Нет, Мэри, – говорит мужчина уже мягче. – Закрой рот.

Он прикасается к ее сомкнутым губам, и она дивится твердости и гладкости его пальцев. Они словно кусочки дерева, обкатанные в волнах. У рыбаков ладони шершавые, как устричная раковина, и приятно пахнут селедкой. У его же пальцев странный, какой-то неживой запах, от которого сводит скулы и в животе становится нехорошо.

Вдруг он растягивает ее губы так резко, что обветренная кожа трескается. На нижней губе выступает коралловая бусина, но Мэри боится слизать кровь. Почему-то кажется, что стоит высунуть язык, как ее ждет новый окрик.

– Мне нужно найти, – просит она, послушно улыбаясь, а капля крови щекочет ей подбородок.

– Все, что тебе нужно, ты уже нашла. Ступай за мной.

Он тянет ее за обшлаг рукава, а поскольку она позабыла, как можно вытащить руку, ей не остается ничего иного, как идти следом. Все так странно. Мэри совсем запуталась и очень смущена.

Особенно ее удивляет, отчего же цепочка с подвеской, вроде бы совсем легкая, так сильно давит на шею.

...Это случилось поздно вечером 23 июля 1824 года, как раз накануне праздника Иоанна Крестителя.

2

В ту же самую ночь, только десятью годами позже, юная мисс Брайт готовится к охоте на Зверя из Багбери.

Потом она еще не раз будет вспоминать ночную прохладу, пропитанную запахами шалфея и оружейного масла. Словно все краски мира перед грозой, ее чувства сделались ярче и пронзительнее, а счастье казалось абсолютным.

Специально для этого случая мисс Брайт надела новую амазонку из пламенеющего шелка. Пышные рукава-жиги мешают стрелять: ружейный приклад скользит по шелку, да и руку трудно согнуть, – но до чего же они красивы!

Ружье у мисс Брайт тоже великолепное, ни у кого такого нет! С изящным тонким стволом и, что самое главное, с автоматическим барабаном на шесть пуль. Его милость специально выписал ружье из Северо-Американских Штатов, заказал у бостонского оружейника Элайши Колльера. Из такой изящной вещицы только серебром и стрелять! Подумал его милость, помялся да и уступил мисс Брайт серебряные пули. Себе же оставил железо – тоже действенное средство, хоть и не такое изысканное. Слугам, лакею Дженкинсу и камердинеру Гарднеру, досталось что попроще – их «коричневые Бесс» заряжены солью.

Ну что еще нужно восемнадцатилетней барышне? Разве что любовь, скажете вы и будете правы. Но любовь у нее тоже была, и какая любовь!..

– Эх, нам бы с ним как-нибудь побыстрее совладать. Ведь я сюда с парламентской сессии улизнул, а она и так вот-вот закончится. А лорд-канцлер – злее Цербера. Если не вернусь к понедельнику, он меня прямо в Вестминстере ошельмует.

Это произносит джентльмен в красном охотничьем сюртуке с длинными фалдами и ослепительно начищенных сапогах. Джентльмен еще не стар, едва ли старше тридцати, однако уже начал раздаваться в талии. Даже пешая прогулка по холодку вызывала у него одышку. Лицом его милость похож на покойного короля Георга – крупный нос и серо-голубые глаза, слегка прищуренные из-за чересчур полных щек. Он высок и широкоплеч. Такие бонвиваны собирают в молодости весь цвет наслаждений, упиваются красотками и вином, а в преклонном возрасте лечат подагру на горячих ключах Бата.

Как раз в его сторону и посылает ласковые взгляды мисс Брайт. Правда, предназначены эти нежности отнюдь не его милости, а темноволосому юноше, который трясет пороховницей у ног джентльмена, рисуя на траве круг.

Вместо пороха из кожаного футляра сыплется соль. В лунном свете она искрится, как толченые бриллианты.

Еще одна странность – намечается охота, но молодой человек одет несообразно этому событию. Черные брюки и льняная рубаха навыпуск – разве джентльмен позволит себе выйти на люди в столь возмутительном виде? Не говоря уже о том, чтобы появиться в обществе дам! Однако, судя по его манерам – сдержанным, но не скованным, дружелюбным, но без фамильярности, – молодой человек все-таки принадлежит к аристократии.

– Кстати, а что это вообще за тварь такая – Зверь из Багбери? – спрашивает полноватый джентльмен.

– Господин Линней назвал бы его *Bos taurus*, – отвечает юноша, не прерывая своего занятия.

– Только без латыни, пожалуйста! Как услышу ее, проклятую, сразу розги гувернера вспоминаются.

– Бык.

Молодой человек поднимается и придирчиво оглядывает свою работу. Круг диаметром в три ярда получился безупречно ровным, словно его циркулем чертили.

– Странно, что ты об этом спрашиваешь. Ведь сам выбрал место и нас сюда позвал. Неужели не знаешь, на кого будем охотиться?

Его милость смущенно крутит пуговицу с выгравированной лисицей.

– Повстречался мне в клубе джентльмен как раз из Поуиса, с валлийской границы. Выпили мы с ним кларету, а как ополовинили третью бутылку, он возьми и пожалуйся – дескать, бродит в тамошних краях какая-то зверюга, арендаторов его пугает, посевы топчет. Вот я прямо из клуба и отправил тебе письмецо. Тут уж с тебя спрос, чудовища – это твоя епархия. Но ты, как я вижу, отлично подготовился.

Юноша отвечает поклоном, принимая похвалу со спокойным достоинством. Он производит впечатление человека, который не сомневается в своих умственных способностях и не считает нужным их скрывать.

– В Британском музее нашлись кое-какие путевые заметки и сборник преданий Валлийской Марки. Говорят, что при жизни Ревущий Бык из Багбери был тираном, угнетавшим своих крестьян, а после смерти его дух продолжил злодейства. Известно также, что его облик вселяет трепет даже в сердца храбрецов. Подробнее о его внешности нигде не сказано, зато указано, что он материализуется по собственной воле. Обычно же нападает невидимым. А появляется в полночь у алтаря разрушенной церкви и несется бесчинствовать по округе.

Отсюда до церкви рукой подать. Мисс Брайт успела разглядеть здание во всех подробностях, вплоть до поросших диким луком булыжников, некогда бывших его стенами. Выбеленные лунным светом, камни разбросаны по всему лугу, то тут, то там, а трава вокруг них притоптана. От самой церкви остался лишь каменный пол да восточная стена – прочная, с кладкой в три ряда. Сверху стену прорезает продолговатое окно, похожее на слепой глаз с белесым зрачком луны.

– А с церковью что случилось?

– В тысяча семьсот девяностом году здесь собрались семеро священников, чтобы провести обряд экзорцизма. В самый разгар обряда демон ворвался в церковь, и, как повествует книга, стены треснули.

– А священники?

– Успели выбежать. Некоторые. Те, что поближе к дверям стояли.

– Держу пари, что из всех припасов у них был псалтырь да свечной огарок! – вмешивается его милость. – То ли дело мы – и серебро припасли, и железо, и соль! Тэлли-хо, друзья мои! Дженкинс, Гарднер, а подите-ка сюда! Уж объясню вам, олухам, куда палить, когда сей зверь появится. А то вы, того и гляди, друг друга покалечите!

Пока старший джентльмен, яростно жестикулируя, объясняет слугам принципы загонной охоты, юноша подходит к мисс Брайт, дабы очертить вокруг нее соляной круг. Когда он преклоняет колено, барышня проводит рукой по его гладким волосам, чуть вьющимся на концах. Не поднимая головы, он оттягивает замшевую перчатку и целует барышню в запястье. Только сейчас мисс Брайт замечает, каким виноватым он выглядит. Господи, неужели?...

– Что-то стряслось? – спрашивает она, теребя вуальку на своем охотничьем цилиндре.

– Третьего дня отец опять завел речь... о той конторе. – На последнем слове юноша презрительно усмехается.

– И ты?...

– Сказал, что не стану там служить. Теперь он зовет стряпчего, чтобы изменить завещание. Я останусь без фартинга, мисс Брайт. Мне придется получать профессию.

– У тебя уже есть профессия. Ты рыцарь-эльф!

– Всего лишь глупое прозвище.

– И вовсе не глупое! Мой милый мне дороже всех властителей земных, его не променяю я ни на кого из них!² – произносит барышня нараспев. – Мы будем путешествовать по свету – Париж и Баден-Баден, Калькутта и Альгамбра! Мы побываем в белоснежном дворце раджи и в тереме русского царя. Но, самое главное, мы пойдем туда по Третьей дороге! Блистательная слава – вот что ждет нас в конце пути!

– Пока что нас ждет всего-навсего Зверь из Багбери.

Он рисует еще два круга для слуг, между делом повторяя правила, которые мисс Брайт слышала если не сотню раз, то уж точно дюжину. Ждать, пока он не утомит призрака и не заставит того явить свою истинную форму. Стрелять, лишь когда призрак материализуется, ни в каком случае не раньше (ну неужели кто-то настолько глуп, чтобы палить в пустоту?). И никогда, ни при каких обстоятельствах не выходить за пределы соляного круга. Даже если призрак разорвет загонщика на мелкие кусочки и, как в балладе, разложит их по скамьям в церкви (да скорее свиньи будут порхать среди сосулк замерзшего ада, чем привидение причинит вред ему!). И вообще, он сделает всю работу, им же останется только выстрелить в нужный миг (некоторым личностям с чересчур напряженной верхней губой не мешало бы расслабиться).

Когда охотники занимают свое место в кругах, расположенных в четырех ярдах друг от друга, загонщик поднимает с земли излюбленное оружие английских экзорцистов. Это длинный кнут из эластичной кожи, четырехгранный, с тяжелым серебряным шариком, вплетенным в самый кончик. Молодой человек отлично ладит со своим орудием. Он может не то что сбить вишню с чьей-нибудь головы – одним ударом косточку из вишни выбьет! Но стоит ему взяться за кнут, как темнеют прозрачно-серые глаза, словно бы с их дна поднимается потаенная жестокость. В такие минуты даже мисс Брайт его побаивается.

Вооружившись, загонщик занимает место там, где некогда находилась паперть.

Охотники прицеливаются.

Пиликанье цикад звучит громче, чем оркестр на сельском балу, но вот в наступившей тишине слышится другой звук – оглушительный топот по каменным плитам. Самого Зверя мисс Брайт, конечно же, не видит, зато замечает, как невидимые копыта высекают из камня снопы искр, которые вспыхивают все ближе и ближе, приближаясь к загонщику. Но в последний момент, когда столкновения, казалось, уже не избежать, молодой человек отклоняется в сторону. Его ноги скользят, как на паркете во время вальса, но ни на секунду он не забывает о своей цели. Небрежный взмах руки, свист кнута, и воздух содрогается от утробного звука – то ли мычания, то ли рыка.

Попал.

Еще один бросок, и загонщик отскакивает, полосуя неповоротливую тушу. Он будет хлестать призрак, пока тот не выбьется из сил. К быкам такая стратегия особенно применима, ведь их интеллект, увы, обратно пропорционален силище. Любой сельский житель скажет, что разъяренный бык несется по прямой линии. Главное, успевай уворачиваться. А уж ловкости загонщику не занимать.

Но тут происходит неожиданное. Даже издали мисс Брайт замечает, что взгляд юноши из сосредоточенного ментально становится напряженным.

Снова раздается топот, только теперь Бык мчится на охотников! Когда он успел их заметить? Почему оставил загонщика?

Такого еще никогда не происходило!

Мимо мисс Брайт проносится волна ледяного воздуха, как от локомотива, который когда-то заворожил ее своей целеустремленной мощью. Юбки взвиваются, сама она чуть не теряет равновесие. Тут же звучат парные выстрелы, и слуги цепляются за мушкеты, совер-

² Средневековая баллада «Тэм Лин» (англ. *Tam Lin*), перевод М. Ковалевой.

шенно бесполезные без заряда соли. С ружьем на плече его милость медленно кружит, пытается отследить по хриплому сапу, где сейчас находится призрак.

Как только Бык сорвался с места, загонщик бросился следом и уже успел поравняться с охотниками. Он-то отлично видит своего врага, отделенного от него живым щитом. Юноша кричит что-то на латыни, какое-то заклинание. Вновь содрогается земля, и в этом рокоте растворяется шелест шагов – побросав мушкетеры, ополоумевшие слуги улепётывают без памяти.

Загонщик готов к более решительным мерам. Вытянув руку с растопыренными пальцами, он упирается туда, где должен быть невидимый лоб, и в один прыжок оказывается на спине чудовища. Кнут захлестывает шею Быка – то ли узда, то ли удавка. Ухватившись за оба конца, загонщик пытается совладать со Зверем, и мисс Брайт кажется, что у него уже получилось. Она успевает отметить, что движения его бедер вперед-назад – не дерганные, а уверенные, скользящие, – выглядят так... обольстительно.

На мгновение Бык перестает брыкаться. Оседлав воздух, всадник замирает и успевает выдохнуть, прежде чем мощным толчком Бык сбрасывает его со спины.

Загонщик теряет кнут и летит кувырком, но успевает откатиться по траве, подальше от смертоносных копыт. Пытается встать, упираясь коленом в землю... и не может.

Мисс Брайт взвизгивает.

Его милость делает шаг из круга.

...После мисс Брайт еще не раз вспоминала ту ночь и пыталась понять, как опытный охотник допустил такую ошибку? Отчего позволил инстинктам возобладать на разумом? Возможно, сказалась привычка. Стоило близкому человеку оказаться в беде, как он очертя голову бросился на помощь. Да, пожалуй, ответ кроется именно тут. Такие размышления хотя бы на время отвлекали ее от другого вопроса, который постоянно мучил ее: почему из круга не выскочила она сама?...

Призрак, похоже, только того и ждет. В следующий миг упитанный джентльмен взмывает в воздух, как тряпичная кукла. Ружье вываливается из ослабевшей руки. Он хрипит и молотит руками, пытаясь сползти с невидимых рогов, но разъяренный призрак мотает головой, протыкая его все глубже. Из рта его милости хлещет кровь, заливая подбородок, а из-под распоротого сюртука, тоже липкого от крови, виднеется темная, колышущаяся масса...

Оглушенная собственным криком, мисс Брайт не слышит первый выстрел. Не целясь, она стреляет в подвижную пустоту, которая терзает обмякшее тело.

Если она и не попала, то хотя бы оцарапала. Протяжно заревев, призрак являет свою форму.

Это невероятных размеров бык.

И с него содрана шкура.

В другое время мисс Брайт, верно, вывернуло бы от вида воспаленно-красных мышц, под которыми вздымаются ребра, но в тот миг отвращение от нее неотделимо. А как можно реагировать на то, что стало частью тебя?

Она стреляет несколько раз подряд, и продолжает палить, даже когда призрак, задрожав, исчезает, а истерзанное тело с глухим стуком падает на траву.

Мисс Брайт отбрасывает ружье и опускается на колени, призывая забвение. Китовый ус корсета немилосердно давит на живот, но потерять сознание так и не удается. Ее крепкие нервы, не то что у других барышень, сыграли с ней злую шутку.

Краем глаза она замечает, что рыцарь-эльф, припадая на левую ногу, подходит к телу. Она не смеет обернуться, даже когда слышит ровный голос:

– Подойди сюда.

– Нет.

Она не может и не должна увидеть это снова!

– Подойди. Я прошу тебя.

Несколько тягучих минут спустя она встает и, путаясь в юбках, промокая лицо вуалью, бредет к нему.

Но что за наваждение?

Его милость почивает, подложив руку под голову. Ни крови на полном подбородке, ни царапины, ни прорехи на безупречно чистом сюртуке. Щеки разрумянились, волосы прилипли к вспотевшим вискам. Кажется, что его сморил зной, и он прилег отдохнуть в тенечке.

– Совсем как живой! – вырывается у нее, прежде чем она понимает, что все это может значить.

– Правда? Хорошо, если так.

На губах молодого человека появляется улыбка, в которой жизни меньше, чем в могильной плите.

Он только что принял решение, и мисс Брайт даже знает какое.

Он решил ее предать.

3

А через три месяца после сих печальных событий Агнесс Тревельян явился дух отца. И призрака она увидела не в первый раз.

Первый явился к ней в шесть лет.

Произошло это так: они с мамой припозднились на ярмарке и возвращались уже затемно. На маме было серое шерстяное платье с длинным белым передником, который удачно скрывал свежую заплатку на подоле – когда мама помешивала еду в котелке, из очага вылетел уголек и прожег ткань.

Изможденное, но все еще миловидное лицо было надменным и чуточку обиженным. Мама словно заранее ожидала насмешки и готовилась дать кому-то отпор. Именно с таким выражением лица она занималась работой, какую обычно поручают прислуге, – подметала крыльцо, стирала или, как сейчас, тащила корзину с покупками.

Агнесс семенила рядышком и сосредоточенно лакомилась имбирным пряником – петушком в золоченых штанах. Лакомства перепали ей редко, и девочка дождалась, пока каждая крошка растворится на языке, прежде чем отгрызть еще кусочек. Время от времени Агнесс поглядывала на пожилую крестьянку, ковылявшую впереди. Из ее корзины высунулся гусак и крутил головой на длинной гибкой шее. Агнесс подумывала о том, чтобы и его угостить, но опасалась, что гусь ущипнет ее за ладонь.

Дорога в ланкаширский городишко, где отец Агнесс искал место переписчика, петляла мимо пруда с метким прозвищем Смордный. В него сливали отходы свечной завод и кожевенная мастерская. Если золотарям не удавалось сбыть свой «товар» крестьянам для удобрений, бочки они опорожняла сюда же. Горожане тоже не оставались в стороне и вытряхивали в пруд каминную золу. К берегу прибывало гнилые овощи и дохлах кошек, а порою и что-нибудь похуже. В летнюю жару зловоние сбивало с ног.

Лягушки в пруду не водились, комары дохли над ним на лету, поэтому окрест Смордного пруда всегда стояла мертвая тишина. Неудивительно, что и мама Агнесс, и старушка с гусем замерли как вкопанные, когда у пруда послышался крик. Был он не звонким, а каким-то булькающим, как если бы кто-то заплакал, набрав в рот воды. Даже гусак спрятал голову под крыло, притворяясь спящим.

– Выпь, – поспешно заявила мама.

– Не-ет, мэм, то пинкет надрывается, – обернулась крестьянка.

– Кто? – Агнесс приподнялась на цыпочки, разглядывая водную гладь, над которой собиралась дымка.

– Младенчик мертвый. Какая-то гулящая утопила, а нам мучайся. Уж которую неделю пищит, спасу от него нет.

– Не пугай моего ребенка, любезная, – одернула ее мама. – Всего лишь болотная птица. Но Агнесс не испугалась, просто задумалась. С одной стороны, родителям нужно повиноваться. Так было написано в ее букваре, а в книгах абы что не напишут.

С другой же, существо, парившее над прудом, мало чем напоминало птицу. Ни тебе клюва, ни крыльев. Даже ножек у него не было. Только голова над полупрозрачным тельцем да ручки, тонкие, как струйка пара из чайника. Нижняя часть тела терялась в белесом тумане над водой. Казалось, из тумана это созданыице и было соткано.

Между тем оно разинуло рот и самозабвенно захлюпало.

– А что ему надо?

– Как что, мисс? Вестимо, чтоб окрестили его. Мы уж и так, и эдак к преподобному подступались, а он ни в какую. Мол, не потатчик я вашему суеверию.

– Очень разумный подход, – отрезала мама. – Поспешим, Агнесс, у нас много дел.

– А сами вы? Почему сами его не окрестите? – крикнула Агнесс, едва поспевая за мамой, которая с видом разгневанной герцогини прошествовала мимо старушки.

– Да боязно как-то, мисс. А коли не уйдет, а следом увяжется? Там уж горшки перебьет, скотину взбаламутит, хоть из дому беги!

На следующий день, после урока катехизиса, Агнесс попросила у священника «Книгу общей молитвы». Там собраны все обряды англиканской церкви. А ей так хочется побольше узнать о Господе и делах Его!

Против васильковых глаз Агнесс и ее ангельской улыбки трудно было устоять. Хотя с ангельской улыбкой она в тот раз перестаралась. Преподобный Строу так расчувствовался, что подхватил девочку под мышки и поставил на стул. Добрых полчаса он втолковывал остальным ребятам, как Агнесс будет восседать на облаке и уплетать манну небесную, в то время как им, лгунам и неряхам, придется скрежетать зубами в аду. Ребята сопели и посылали праведнице недобрые взгляды. Всю неделю Агнесс дергали за косички, а мухи в ее чернильнице появлялись с завидным постоянством. Но результат того стоил. Часослов был в ее полном распоряжении.

Пряча книгу под фартучком, Агнесс в тот же вечер понеслась к Смраднему пруду. Родители опять бранились в спальне, то вполголоса, то срываясь на крик. Мама называла папу лодырем, который даже страницу без клякс переписать не может. Стоит ли удивляться, что никто не хочет его нанимать? Папа огрызался, что взял маму бесприданницей, так что ей ли его укорять.

Вряд ли ее хватятся, рассудила Агнесс.

Она подошла к самой кромке воды, стараясь не утопить в иле свои козловые башмачки – другой пары не найдется. К ее радости, давешнее существо никуда не делось. Они долго таращились друг на друга, затем девочка сказала: «Привет» – и неуверенно помахала рукой. От неожиданности созданыице расплылось в воздухе, но тут же собралось воедино и полетело к Агнесс.

– Ты моя мама! – радостно воскликнуло оно.

– Не-а, – мотнула головой Агнесс.

– Точно?

– Как я могу быть чьей-то мамой? У меня мужа нету.

– Тогда ладно. Я вот ее все жду и жду, а она не идет и не идет. А тут скучно.

– Ничего, я сейчас... Так. – Послунявив палец, она зашелестела страницами. – Нарекую тебя... ты мальчик или девочка?

– Почем мне знать, – пискнул голосок. – Я себя не вижу.

– Нарекаю тебя Джоном или Джоанной. Во имя Отца, Сына и Святого Духа, аминь!..
Эй, ты тут?

Но никто не отозвался.

С тех пор Агнесс не раз видела мятущихся духов. Возможно, они встречались ей и прежде, только тогда она еще не умела их распознавать. Окружающие люди, сказать по правде, сами порою напоминали привидения. Запавшие глаза, кожа всевозможных оттенков зеленого, всклокоченные волосы – это им тоже было присуще. В свою очередь, отнюдь не все призраки казались полупрозрачными, некоторые производили впечатление материальных существ. Запутаться немудрено.

Со временем девочка уяснила несколько простых правил.

Во-первых, привидения не могут заговорить первыми. В этом Агнесс чувствовала с ними родство, поскольку от детей тоже ожидали молчания и, желательно, полной незаметности. Но если спросить у привидения: «Как дела?», оно не отделается вежливым: «Спасибо, все благополучно». Оно обстоятельно расскажет, как у него на самом деле обстоят дела.

Во-вторых, привидению можно помочь. На земле у него осталось незаконченное дело. Если его завершить, привидение оставит земную юдоль и унесется, куда ему положено.

Например, купец из Гринли попросил отыскать его голову, которую разбойники, напавшие на него посреди вересковой пустоши, отрубили и бросили в колодец.

Серовато-зеленой Даме хотелось, чтобы ей вернули обручальное кольцо, застрявшее между половицами в спальне, где произошло что-то такое, о чем она так и не решилась поведать Агнесс.

Марте Рэй нужен был поцелуй невинного ребенка. Агнесс предпочла не задумываться о том, что² лежит под невысоким холмиком у засохшего терновника, вокруг которого бродил дух Марты. Хотя размерами тот бугорок напоминал детскую могилку, но... лучше не думать об этом, и все тут. Тем более что просьба Марты была не такой уж трудной. Главное, не обращать внимание на мох, что рос на ее щеках.

Ах, если бы исполнить желания родителей было так же просто!

Папе Агнесс навеяла бы вдохновение.

Дэвид Тревельян писал сельские пейзажи в подражание Джону Констеблю. Особенно он жаловал руины. Собственно, благодаря руинам и состоялась его встреча с юной Эвериной, которая прогуливалась у руин старинной церкви в тот самый час, когда Дэвид устанавливал там свой мольберт. Незнакомец заинтересовал провинциальную барышню. Право, было чем прельститься! В молодые годы мистер Тревельян наряжался так, словно в любой миг готов был писать автопортрет. Статность ему придавал сюртук с накладными плечами, стройность обеспечивал эластичный пояс под рубашкой, а светло-рыжие волосы были подвиты с особым старанием. Небрежно повязанный шейный платок довершал образ романтика на вольных хлебах.

Когда, переборов естественную робость, девица подошла поближе, ее ожидало новое потрясение – незнакомец оказался восхитительно умен. Он прочел ей лекцию об особенностях немецкого романтизма, щедро сыпя словечками вроде «светотень» и «перспектива». А когда речь зашла о категории возвышенного в эстетике Эдмунда Берка, Эверина поняла, что влюблена в мистера Тревельяна без памяти. Никогда прежде ей не встречались мужчины и умные, и талантливые.

Настораживало лишь одно. За все время беседы на полотне не появилось ни единого штриха. Но воображение Эвериной уже парило над холстом, еще даже не загрунтованным, и нежно касалось его, оставляя на нем радужные мазки. О, это будет шедевр! Его выставят в Королевской академии художеств! Причем не под потолком повесят, как работы иных новичков, а пониже, на уровне глаз, там, где его сможет увидеть вся лондонская публика.

Ах, как столичные жители будут восхищаться работами мистера Тревельяна! А сама она обязательно должна стоять рядом и разделять его триумф!

...Маме Агнесс подарила бы карету и много платьев.

Откуда же Эверине было знать, что судьба жестоко обошлась с Дэйви Тревельяном – даровав ему зачатки таланта, напрочь лишила трудолюбия. За всю свою жизнь он не закончил ни одной картины. Сделав с полсотни эскизов, он откладывал угольный карандаш, брался за кисть и работал еще час, после чего погружался в глубокомысленное созерцание. Несколько неуверенных мазков, и на небе вместо облака появлялся журавлиный клин. Он уступал место ангелу с лирой, а тот, в свою очередь, превращался в облако, но уже другой формы. Затем мистер Тревельян методично кромсал холст, бормоча, что шедевр опять не получился. А что поделаешь? Трудно искусству подражать действительности. Сам Платон об этом говорил.

Ну разве стоило лишаться благословения из-за такого пустого, никчемного человекишки? А Эверине, поверьте, было что терять! Поначалу она не желала бросаться в ноги дядюшке-опекуну и проситься обратно. А потом поздно стало – родилась малютка Агнесс. Девочка же привыкла зажимать уши, когда родители принимались обсуждать финансовые вопросы.

Впрочем, раз в несколько месяцев в их семье, как по волшебству, появлялись деньги. Откуда? Агнесс не знала. Ей хватало и того, что повеселевшая мама бежала выкупать серьги у ростовщика. А папа хотя бы на время забывал дорогу в кабак, где объяснял завсегдатаям поэтику Аристотеля, а те угощали «старину Дэйви» джином, чтобы проверить, каких еще риторических высот он достигнет по мере опьянения. Сияющий, пропахший табаком и олифой, папа сажал Агнесс на колени и называл ее Неста, именем легендарной принцессы из Уэльса, откуда он сам был родом.

Но в конце концов произошло то, что рано или поздно должно было произойти. И Агнесс впервые пожалела о своем даре.

Есть ведь и третье правило. Чтобы стать призраком, нужно умереть. Это должна быть страшная насильственная смерть.

А когда умерла мама, Агнесс не увидела ее дух. По каким-то неведомым законам смерть от брюшного тифа не считалась поводом для появления призрака. Видимо, ей не доставало трагизма.

...Теперь же Агнесс не надеялась увидеть отца.

Смерть настигла его на севере Нортумберленда, где мистер Тревельян вместе с дочуркой остановился по пути в Шотландию. По словам художника, он собирался предложить свои услуги какому-нибудь лорду, желавшему обновить в романтическом стиле интерьер замка. В приграничной деревушке Кархем, где задержались отец и дочь, к чужакам отнеслись с подозрительностью. Все сведения о выходцах из Уэльса сельчане черпали из стихотворения «Тэффи был валлийцем, Тэффи вором был», а эти строки вряд ли можно счесть хорошей рекомендацией. Хозяйки даже попрятали говядину и баранину на случай, если мистер Тревельян поведет себя подобно своему литературному соплеменнику.

За те четыре дня, которые он прожил в Кархеме, художник не успел ни расположить к себе туземцев, ни, напротив, подтвердить их опасения. В четверг вечером он вернулся в чердачную каморку, поправил одеяло на Агнесс, прикорнувшей на двух сдвинутых стульях, и зажег сальную свечу, которую едва отвоевал у хозяйки – та опасалась отпустить в долг пообносившемуся джентльмену. При дрожащем огоньке свечи он начал свою эпистолу: «Если бы не отчаянная, безысходная нужда, я никогда не осмелился бы потревожить Ваш покой, милорд, но бедность...» Далее следовал вертикальный прочерк до самого низа листа. В этот момент сердце мистера Тревельяна припомнило ему ночи, проведенные за рюмочкой джина, и подало в отставку. Охнув, он упал лицом на непросохшие чернила и пролежал так

до самого утра, покуда крики Агнесс не разбудили хозяйку (та еще долго бранилась, оттирая со щеки покойного слово «ътсондеб»).

Мистер Ладдл, приходской надзиратель, крутил листок так и эдак, но адресат письма оставался загадкой. Не скупясь на бумагу, транжира-валлиец начал с черновика, посему не указал ни имя, ни адрес загадочного лорда, на чье вспомоществование так рассчитывал. Должно быть, какой-то меценат.

Ну да какая разница? Более насущным оставался другой вопрос – как похоронить чужака? Дело шло к похоронам за счет прихода, без гроба и в безымянной могиле. Но мистер Ладдл по неосторожности озвучил и другой вариант, и тут уж квартирная хозяйка не могла не вмешаться.

Вплоть до 1832 года жизнь вдовы Стоунфейс едва ли выходила за рамки «Фермерского альманаха». На день архангела Михаила – жирный гусь, на Рождество – пирожки с изюмом, на Пасху – пудинг с рябиной. Скучно жила, без искры. Но в 1832 парламент принял Анатомический акт, всколыхнувший миссис Стоунфейс до самых недр ее души.

Как объяснял бидль, намерения у парламентариев были благие. Не секрет, что врачам нужно оттачивать мастерство в анатомическом театре. Спрашивается, откуда брать трупы? Если раньше им отдавали тела повешенных, то в наши просвещенные времена врачей стало больше, а висельников меньше. Что докторам делать в таких условиях? Поневоле нанимают всякий сброд, который по ночам ворует тела из могил. Да что из могил! Доходит до смертоубийства. Вон в том же Эдинбурге не так давно орудовали душегубы, Бёрк и Хэйр. Прохожих они убивали, а тела, еще свеженькие, сбывали профессору в университете. Зато теперь доктора получают трупы бродяг и нищих. Словом, всех тех, кого некому похоронить.

Миссис Стоунфейс твердо решила, что в своем приходе такого произвола не допустит. Где ж это видано, чтобы какой-то бедняк предстал перед Господом без печени или селезенки! Сама она даже выпавшие зубы складывала в шкатулку, которую собиралась захватить с собой в гроб – на случай, если Господь потребует за них отчитаться.

С тех самых пор она устраивала похороны для неимущих. Не за свой счет, разумеется, ведь так и самой можно по миру пойти. Но кто из прихожан захочет прослыть дурным христианином? Приходилось раскошелиться. Появление миссис Стоунфейс на улице было сравнимо разве что с приездом шерифа Ноттингемского из баллад о Робин Гуде. Ставни хлопали, ревущие младенцы замолкали, взрослые прятались в погреб – авось пройдет мимо!

Но разве это кого-то спасало?

Миссис Стоунфейс хлопотала, отдавала распоряжения, торговалась, уличала, угощала, принимала заслуженные комплименты – словом, вела насыщенную жизнь на благо своих ближних.

Увы, похороны мистера Тревельяна оказались неудовлетворительными.

Сама она, конечно, сделала все, что могла. Черный гроб, уже заколоченный, покоился на столе в гостиной. В дверях переминался с ноги на ногу немой плакальщик. В его обязанности входило навевать уныние на прохожих, дабы вся община могла разделить чужую скорбь. Надо отдать ему должное – долговязый парнишка скорчил такую горестную мину, словно на его глазах только что вырезали всю его семью. Профессионал, что тут скажешь. У самых окон, на немощеной улице, поскрипывал катафалк – тележка о двух колесах и с продолговатым ящиком, в который засовывают гроб. Лошадка фыркала, когда глаза ей щекотал обвислый плюмаж из черных, но уже изрядно полинявших страусиных перьев.

Иными словами, протокол был соблюден. Но где же гости?

Как выяснилось, сельчане не сочли похороны чужака достаточным поводом, чтобы отложить свои пятничные дела. Печально вздыхая, миссис Стоунфейс взирала на пристенный столик, где стояло блюдо с поминальными бисквитами. Каждый гость должен был